

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ «НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В США

С. Б. Станкевич

В американской историографии определение «новая» употребляется применительно к нескольким современным направлениям, используемым в исторических исследованиях концепции и методы смежных общественных наук — экономики, социологии, политологии и др. Соответственно принято различать «новую экономическую», «новую социальную» и «новую политическую» истории. Странники этих направлений претендуют на то, чтобы в отличие от традиционной историографии дать «новую», по их мнению, более полную, точную и объективную картину исторического процесса. В связи с этим указанные направления нередко определяются общим собирательным термином «новая научная» история.

Главная отличительная черта последней — ориентация в первую очередь на массовые исторические источники (экономическая, социальная и политическая статистика) и опора на строгие математические методы их анализа. Такой подход довольно широко и активно применяется в трудах представителей «новой политической истории», специализирующихся по истории США. Данная статья имеет целью проанализировать некоторые тенденции, характерные для развития этого направления в 70-е — начале 80-х годов.

Специфика, привносимая сторонниками рассматриваемого направления в работы по политической истории США, заключается в переходе от детального описания крупных событий и эпизодов к историко-статистическому анализу политических структур и процессов¹. Это неизбежно накладывает характерный политологический отпечаток на все стороны и элементы исторического исследования, начиная с терминологии и методов и кончая трактовкой его целей и задач. Главная задача исследований сводится к тому, чтобы установить структуру того или иного политического явления и проследить процесс ее изменения с учетом трех измерений: пространства, времени, темпа изменений. При этом для приверженцев «новой политической истории» свойственно стремление охватить длительные исторические периоды (нередко в одно-два столетия) в целях выявления динамики, долгосрочных тенденций в изменении изучаемого явления.

¹ Теоретическим обоснованием этого перехода явились концепции «научной истории» Л. Бенсона и «социального анализа политики» С. Хейса. См.: *Benson L. Toward the Scientific Study of History: Selected Essays*. Philadelphia, 1972, p. 6—10, 98—104; *Hays S. P. American Political History as Social Analysis*. Knoxville (Tenn.), 1980, p. 129, 145—146, 149, 365.

Моменту динамики, изменчивости придается особое значение. В 70-е годы проблема политического изменения (political change) превратилась в центральную для «новой политической истории». В более широком плане под этим термином понимается исторический процесс изменения (развития, модернизации) политической системы. В конкретных же исследованиях американских историков внимание уделяется переменам, происходившим в нескольких основных политических структурах. Одна из интенсивно исследуемых структур — расстановка сил в конгрессе США². Однако наиболее последовательные усилия по разработке проблемы политического изменения предпринимались в минувшее десятилетие американскими историками, которые изучают расстановку сил на уровне массового электората, пытаясь реконструировать процесс изменения его партийно-политической структуры. В данной небольшой статье целесообразно сосредоточить внимание именно на этой области «новой политической истории».

Выбранная нами группа работ, изучая расстановку сил в массовом избирательном корпусе, выделяет два аспекта: характер и направление изменения партийно-политической структуры, соотношение между моментами стабильности и изменчивости; движущие силы и механизм изменения (особенно роль и значение партий). В зависимости от ответов на эти вопросы в рассматриваемой литературе можно выделить три основных подхода: системно-структурный (привлекает теории господствующих в западной социологии школ структурно-функционального и системного анализа), социально-критический (развивает идеи радикальных социологов вроде Р. Миллса), бихейвиористский (исследует социально-психологические аспекты политики). Предлагаемое условное разграничение не носит строгого характера — в большинстве работ можно встретить элементы двух-трех подходов. Речь идет о методологических основах всей «новой политической истории» как относительно самостоятельного направления, а также о преобладающих ориентациях отдельных исследователей.

Первый (системно-структурный) подход подчеркивает моменты стабильности и устойчивости в развитии избирательного корпуса США, характеризует происходящие в нем перемены как циклические, служащие целям коррекции и регулирования политического курса правительства. Источником перемен объявляются прежде всего противоречия между группами населения различной этнической и религиозной (культурной) принадлежности — этнокультурными группами, руководство которыми, как и всем процессом политического изменения, осуществляют политические партии. В подобных исследованиях типичными задачами выступают классификация выборов, периодизация истории двухпартийной системы, анализ связи между партийным разделением электората и его этнокультурной структурой. Главными результатами развития данной

² Попова Е. И., Станкевич С. Б. Математические методы в американской историографии политической борьбы в конгрессе США. — В кн.: Американский ежегодник, 1981. М., 1981, с. 118—142.

го подхода стали теория партийных перегруппировок, тесно связанная с системной интерпретацией взаимодействия между избирателями и партиями, и так называемая этнокультурная модель. Представление о них дают следующие примеры.

В 50-е годы политолог В. О. Ки-младший выдвинул тезис о том, что для процесса политического изменения в США ключевое значение имели «критические» выборы, в ходе которых статус партии большинства надолго переходил от одной партии к другой³. За ним последовали многочисленные авторы, описывавшие ход тех или иных «критических» выборов в отдельных регионах и штатах⁴. В 60-е годы А. Кэмпбелл, Ч. Селлерс и Дж. Помпер создали общую классификацию американских избирательных кампаний, разделив их на четыре категории: «сохраняющие», «отклоняющие», «восстанавливающие» и «перегруппирующие». Выводы авторов базировались на детальном статистическом анализе данных о голосовании избирателей в XIX—XX вв.⁵

В «сохраняющих» выборах массовые базы партии большинства и меньшинства оставались в целом устойчивыми. Временные переходы президентства от одной партии к другой в результате «отклоняющих» выборов не сопровождались радикальной перестройкой избирательных коалиций. Вскоре следовали «восстанавливающие» выборы, которые фиксировали прежнее положение партий и соотношение сил. Однако несколько раз картина существенно менялась: в ходе «перегруппирующих» выборов в результате глубинных сдвигов в массовом электорате у власти утверждалась новая партия большинства, опиравшаяся на возникшую при перегруппировке избирательную коалицию⁶.

Описанная классификация вызвала множество споров. Особенно

³ Key V. O., Jr. A Theory of Critical Elections.— In: *Electoral Change and Stability in American Political History* / Ed. by J. M. Clubb, H. W. Allen. N. Y. etc., 1971, p. 26—44 (1st print: *Journal of Politics*, 1955, N 1, p. 3—18).

⁴ В начале 70-х годов эти статьи были переизданы в ряде сборников. См.: *Electoral Change and Stability...; Voters, Parties and Elections* / Ed. by J. H. Silbey, S. T. McSeveney. Lexington (Mass.), 1972; *American Political Behavior* / Ed. by L. Benson et al. N. Y., 1974.

⁵ Каждые выборы описывались с помощью ряда чисел, показывающих, какой процент голосов был подан за определенную партию. Данные в таком числовом ряду могут быть агрегированы (обобщены) до уровня графств или штатов. Последовательное сравнение числовых рядов, описывавших выборы, давало представление о периодах устойчивости, прерывавшихся перестройками партийно-политической структуры электората. Для анализа данных о голосовании в целях классификации и периодизации американские ученые используют в разных вариантах два основных метода: автокорреляцию (сравнение каждых выборов с предыдущими) и корреляционную матрицу (сравнительную таблицу, в которой отражаются меры сходства между всеми выборами за исследуемый период).

⁶ К «перегруппирующим» многие относят выборы 1828, 1860, 1896 и 1928 гг. либо 1932 г.; примерами «отклоняющих» называют президентские выборы 1952 и 1956 гг., выигранные Д. Эйзенхауэром. См.: *Campbell A. Classification of the Presidential Elections*.— In: *Electoral Change and Stability...*, p. 103—121; *Sellers Ch. Equilibrium Cycle in Two-Party Politics*.— In: *Ibid.*, p. 148—177; *Pomper G. Classification of the Presidential Elections*.— In: *Ibid.*, p. 178—213.

показательна многолетняя полемика вокруг выборов 1928 г. Традиция рассматривать их в качестве «критических» восходит к классической работе В. О. Ки-младшего, который утверждал, что «революция Рузвельта», по крайней мере в штатах Новой Англии, началась не в 1932 г., а четырьмя годами раньше и была в значительной степени «революцией Эла Смита». Хотя демократы и не завоевывали тогда Белый дом, они одержали решающие победы как раз в тех штатах, которые стали впоследствии главной опорой коалиции «нового курса»⁷. Аналогичные утверждения делались в той или иной форме многими авторами, что, казалось, давало основания поставить под сомнение прямую связь между «великой депрессией» и победой рузвельтовской коалиции⁸.

Эта точка зрения не всем показалась бесспорной. В полемической статье Дж. Клубб и Г. Аллен выступили против отнесения выборов 1928 г. к категории «критических» и смешения их с перегруппировкой «нового курса»⁹. Но конец дискуссии смогли положить лишь недавние работы А. Личтмана и К. Андерсен, подвергших концепцию «критических» выборов анализу с позиций широкого, менее формального толкования перегруппировки.

Изучив данные о голосовании на «праймериз» и президентских выборах по 2058 графствам с 1916 по 1940 г., А. Личтман показал, в частности, что кампания 1928 г. в целом по стране не означала коренного сдвига в позициях избирателей. Увеличение в ряде штатов числа голосов, поданных за демократов, в наибольшей степени было связано с подключением к электорату городских иммигрантов-католиков, ранее игнорировавших выборы. Это отклонение совпало по направлению с массовым сдвигом на сторону демократов в 1932 г., когда в связи с «великой депрессией» и реформистской программой Ф. Д. Рузвельта началась подлинная перестройка в массовых базах партий, продолжавшаяся до конца десятилетия¹⁰. К. Андерсен, детально изучившая структурный механизм перегруппировки «нового курса», отметила преобладание в ней процесса мобилизации: в рузвельтовскую коалицию влилась большая масса не голосовавших в 20-е годы представителей беднейших слоев населения, национальных меньшинств, женщин, молодежи. Они составили 3/4 нового электората, привлеченного демократами. Меньшее значение имел процесс «превращения», т. е. перехода бывших республиканцев (в основном из более состоятельных слоев) на сторону демократов. Именно за счет этой категории избирателей произошел обратный отлив к республиканцам после 1936 г.¹¹

⁷ Key V. O., Jr. *A Theory...*, p. 28—29, 33. Альфред Смит — кандидат в президенты от демократической партии на выборах 1928 г.

⁸ *Electoral Change and Stability...*, p. 47, 61, 135, 156—157, 196—197.

⁹ Clubb J. M., Allen H. W. *The Cities and Election of 1928: Partisan Realignment?* — In: *Ibid.*, p. 235—254.

¹⁰ Lichtman A. J. *Prejudice and the Old Politics: The Presidential Election of 1928*. Chapel Hill, 1979, p. 3—7, 42—68, 122—128.

¹¹ Andersen K. *The Creation of a Democratic Majority, 1928—1936*. Chicago, 1979, p. 57—60, 75—82, 122.

Отказ от явно ошибочного тезиса о «революции Эла Смита»¹² — одно из свидетельств частичного преодоления «новой политической историей» узости и формализма, присущих концепции «критических» выборов. Перегруппировка стала характеризоваться как широкомасштабный сложный процесс перестройки избирательных коалиций, неоднозначно проявлявшийся в выборах разного уровня и происходивший в несколько этапов. Были выделены такие типичные симптомы перегруппировки, как наличие национального политического кризиса, необычная активизация и идеологическая поляризация электората, интенсивная общественная дискуссия, подъем движений социального протеста, появление третьих партий. В итоге произошел переход от первоначального выявления и описания отдельных «критических» выборов к рассмотрению более широкого понятия «эра перегруппировки», которое употребляется применительно к десятилетиям 1820-х, 1850-х, 1890-х и 1930-х годов.

По мнению сторонников «новой политической истории», эти десятилетия отделяют пять последовательно сменявших друг друга партийных систем. Первая, возникшая в 90-е годы XVIII в., была «экспериментальным» периодом становления партий как национальных организаций и закончилась около 1820 г. Вторая, ознаменовавшаяся соперничеством вигов и демократов, просуществовала до перегруппировки 1850-х годов. Периоды функционирования остальных систем, облик которых определялся борьбой между республиканцами и демократами, обозначили перегруппировки 1890-х и 1930-х годов¹³.

Опираясь на указанную периодизацию, ряд авторов стремился дать системное истолкование процесса изменения партийно-политической структуры США. Этот процесс описывался как циклическое чередование фаз стабильности и перегруппировок в электорате — своеобразный механизм, дающий возможность партиям снять накопившееся социальное напряжение и осуществить корректировку государственной политики с учетом возникших новых социальных проблем. Перегруппировки, писал, например, Дж. Сандквист, связаны с появлением новых общественных проблем, которые «поляризуют электорат вопреки существовавшим ранее партийным разделениям». Партии из стратегических соображений интегрируют эти проблемы — превращают их в лозунги своих кампаний, благодаря чему избиратели создают новые коалиции большинства и меньшинства и политическая система вступает в очередную фазу равновесия¹⁴.

Близкие по своим выводам интерпретации взаимосвязей в системе «проблемы — избиратели — партии» появлялись на всем протя-

¹² *Nexon D. H. Methodological Issues in the Study of Realignment.* — In: *Realignment in American Politics: Toward a Theory* / Ed. by B. A. Campbell, R. J. Trilling. Austin, 1980, p. 59, 61.

¹³ *Burnham W. D. Critical Elections and Mainsprings of American Politics.* N. Y., 1970, p. 1—10; *Sundquist J. L. Dynamics of Party System.* Wash., 1973, p. 1—25; *Flanigan W. H., Zingale N. H. Political Behavior of the American Electorate.* Boston etc., 1979, p. 31—50.

¹⁴ *Sundquist J. L. Op. cit.*, p. 26—38, 275—307.

жении 70-х годов¹⁵. Наконец, в последнее время наметился новый поворот в разработке этой темы. В двух исследованиях, опубликованных в 1980 г., сделана попытка на эмпирической основе связать воедино сдвиги в поведении избирателей, перемены в составе и идейных ориентациях конгресса, а также законодательные и другие реформистские меры государства по преодолению кризиса¹⁶.

Классификация избирательных кампаний с целью детальной периодизации истории двухпартийной системы — вполне правомерная исследовательская задача. Но в основе предложенной американскими учеными классификации, несмотря на все дополнения и усовершенствования последних лет, остается формальное, неисторическое определение партийной перегруппировки (радикальное и долгосрочное изменение в межпартийном распределении голосов). Попытки во что бы то ни стало найти точный статистический эквивалент этого понятия ведут, как и во многих подобных случаях, не к объективным результатам, а к иллюзии объективизма.

Опасность такой иллюзии в данном случае состоит в том, что набор статистических показателей связи между результатами выборов, взятый изолированно, зачастую становится самодовлеющей абстракцией, оторванной от важных перемен в экономике и в политической жизни, поскольку эти перемены никогда прямо и адекватно не отражались в цифрах, характеризующих общий итог голосования. Статистические расчеты способны приблизительно показать масштабы и интенсивность социальных конфликтов, существовавших в обществе в изучаемый период, но не могут сами по себе раскрыть их сущность и причины. Вот почему данные о голосовании должны служить важным, полезным, но никак не автоматически определяющим ориентиром при разграничении периодов развития двухпартийной системы в США¹⁷.

Научное решение любой структурно-классификационной задачи в историческом исследовании должно осуществляться с помощью комплекса критериев как количественных, так и сущностно качественных¹⁸. Советские историки обоснованно отмечают, что

¹⁵ Burnham W. D., Clubb J. M., Flanigan W. H. Partisan Realignment: A Systemic Perspective.— In: The History of American Electoral Behavior / Ed. by J. H. Silbey et al. Princeton, 1978, p. 45—77; Chubb J. E. Systems Analysis and Partisan Realignment.— Social Science History, 1978, N 2, p. 144—171; Bennet W. L., Haltom W. Issues, Voter Choice and Critical Elections.— Ibid., 1980, N 4, p. 379—418.

¹⁶ Realignment in American Politics: Toward a Theory, p. 3—10; Clubb J. M., Flanigan W. H., Zingale N. H. Partisan Realignment: Voters, Parties and Government in American History. Beverly Hills (Cal.), 1980, p. 19—46, 155—188, 217—250.

¹⁷ Весьма характерно следующее признание А. Личтмана: «...историк не может строго классифицировать президентские выборы на основе статистических взаимосвязей. Теория критических выборов достаточно двусмысленна... [ей] недостает причинности» (Lichtman A. J. Critical Election Theory and the Reality of American Presidential Politics.— American Historical Review, 1976, N 2, p. 322, 346). Близкую точку зрения высказал и Д. Нексон. См.: Nexon D. H. Op. cit., p. 64.

¹⁸ Подробнее см.: Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов.— Вопр. истории, 1978, № 8, с. 72—93.

«партийные перегруппировки — результат смены этапов в развитии капиталистической формации от мануфактурного до государственного монополистического капитализма»¹⁹, и в соответствии с этим разрабатывают периодизацию истории американских партий²⁰. Однако важнейшие статистические факты и закономерности, связанные с партийными перегруппировками, нельзя считать достаточно изученными. Задача их анализа и осмысления по-прежнему актуальна.

Механизму функционирования американских партий, способам их взаимодействия с массовым электоратом, бесспорно, присущи характерные свойства системности. Но интерпретация этих свойств в работах американских ученых страдает схематизмом и, как правило, приводит к апологетическим выводам. Процесс изменения партийно-политической структуры представляется в виде замкнутого цикла функциональных состояний: от равновесия к кризису и правительственному тупику, а затем — через обновляющую перегруппировку — к равновесию.

Ключевым моментом в этой интерпретации является постулат о двухпартийном механизме как своеобразном «вечном двигателе», способном бесперебойно выполнять две важнейшие функции: корректирующую — в отношении капиталистического законопорядка, контрольную — по отношению к массовому электорату. Способность такой циклически самообновляющейся системы приспособливаться объявляется абсолютной, а ее внутренние противоречия — относительными, функциональными, разрешимыми в рамках буржуазной демократии.

Перегруппировки действительно не раз помогали господствующему классу США вовремя сломать устаревшие, ставшие опасными социальные структуры и идеологические схемы, узаконить вместо них новые, дать легальный выход массовому протесту, вновь интегрировать распавшиеся избирательные коалиции. Но эти обновления затрагивали лишь надстройку, и потому их потенциал с каждым разом сокращался. Коренящееся в базисе общества фундаментальное антагонистическое противоречие между трудом и капиталом не только не устранялось при переходе к очередной партийной системе, но получало импульс к дальнейшему развитию.

Сконцентрировавшись на внешней стороне политического процесса, на познании надстроечных регулярностей, американские политологи отрицают наличие в капиталистической системе не устранимых для нее фундаментальных противоречий²¹, которые постоянно воспроизводятся, накапливаются и проявляются со все большей разрушительной силой. Естественно, что такая установка не рас-

¹⁹ Сивачев Н. В. Перегруппировка в двухпартийной системе в годы «нового курса». — В кн.: Политические партии США в новейшее время / Под ред. Н. В. Сивачева и др. М., 1982, с. 67—68.

²⁰ Дементьев И. П., Манькин А. С., Сивачев Н. В., Согрин В. В., Язьков Е. Ф. К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978, с. 164—202.

²¹ Chubb J. E. Op. cit., p. 167, note 22.

крывает, откуда, из каких исторических антагонизмов возникали «новые проблемы», раскалывавшие электорат? Какими факторами определялись позиции партий и групп избирателей по этим проблемам? В чьих интересах осуществлялись конкретные меры по изменению политического курса правительства?

Часть приверженцев «новой политической истории» попыталась ответить на указанные вопросы с помощью этнокультурной модели. Начало этому объяснению положили в 60-е годы Л. Бенсон и С. Хейс, выступившие с критикой двух крупных школ американской историографии: «прогрессивистской» и «консенсусной». В отличие от последней Бенсон и Хейс обнаруживали в истории США острые социальные конфликты как в массовом электорате, так и между партиями; вопреки первой они утверждали, что относительно более важной причиной этих конфликтов были не классовые противоречия, а культурные различия этнических и религиозных групп²². Оба автора стояли гораздо ближе к «консенсусной» школе, хотя проповедовали промежуточную, якобы более объективную позицию.

В начале 70-х годов последователи Бенсона и Хейса, анализируя по материалам местных регистрационных книг поведение индивидуальных избирателей, попытались эмпирически обосновать утверждение, что этнические и религиозные группы были ключевыми структурными звеньями партийных коалиций²³. П. Клеппнер, Р. Дженсен и Р. Формизано по характерным элементам культуры разделили избирательный корпус на «пиетистов», поддерживавших вигов и республиканскую партию, и «литургистов», отдававших предпочтение демократам²⁴.

К концу 70-х годов этнокультурная модель претерпела заметные изменения. С помощью усовершенствованной методики истории получили возможность устанавливать из агрегированных данных, как голосовали отдельные социальные группы²⁵. Документальная

²² *Benson L. The Concept of Jacksonian Democracy. N.Y., 1960, p. 165; Idem. Turner and Beard. Glencoe, 1960, p. 154—158; Hays S. P. Op. cit., p. 51, 68, 110—111, 138—141, 205—206.*

²³ *Formisano R. The Birth of Mass Political Parties: Michigan, 1827—1861. Princeton, 1971, p. 324, 330; Kleppner P. The Cross of Culture: A Social Analysis of Midwestern Politics, 1850—1900. N.Y., 1970, p. 35; Jensen R. J. The Winning of the Midwest: Social and Political Conflict, 1878—1896. Chicago, 1971, p. 58.*

²⁴ К первым были отнесены коренные американцы-протестанты и иммигрантские группы евангелического направления; ко вторым — приверженцы римско-католической церкви и лютеране немецкого происхождения. См.: *Formisano R. Op. cit., p. 217—277; Kleppner P. The Cross of Culture, p. 70—73; Jensen R. J. Op. cit., p. 69—70, 85—88.*

²⁵ С этой целью американские ученые все шире используют метод экологической регрессии. Выборы в каждом штате описываются двумя числовыми рядами: доля определенной группы (например, протестантов) в населении каждого графства и доля голосов, поданных в графствах за определенную партию (например, республиканскую). Статистическое сравнение двух рядов позволяет получить в виде вероятностной оценки сведения, в частности о доле протестантов, голосовавших за республиканцев, и т. д. В США продолжается многолетняя дискуссия о возможностях экологического анализа агрегированных данных. См.: *Kousser M. J. Ecological Regression and the Ana-*

база работ существенно расширилась за счет нарративных источников. В плане выводов наметился характерный сдвиг. Лишь очень немногие историки пошли еще дальше в обосновании религиозных мотивов как ведущих в поведении избирателей²⁶. В большинстве же работ значительно усилилось внимание к классовым различиям в электорате.

Однако известная смена акцентов происходила, как правило, в духе плюрализма, т. е. эклектического смешения социально-экономических и этнокультурных детерминант²⁷. Например, в фундаментальном исследовании П. Клеппнера, наиболее заметном явлении среди позднейших работ, признается значение имущественного неравенства как важной основы политических конфликтов, но общий вывод остается прежним: «Партийная приверженность (избирателей. — С. С.) отражала глубоко конфликтные ценности противостоящих этнических и религиозных субкультур. Политические партии XIX в. были не союзами политических единомышленников, а скорее коалициями социальных групп, разделявших общие этнокультурные ценности»²⁸.

Хотя первоначальный энтузиазм по поводу этнокультурной модели несколько уменьшился, в 70-е годы она характеризовалась в США как «самое важное достижение в интерпретации американской политической истории с того времени, как Ф. Тернер сформулировал концепцию границы»²⁹.

Подобная оценка — свидетельство эволюции в подходе некоторых американских ученых к вопросу о причинной обусловленности политических перемен в истории США. Выделение в американском обществе XIX в. устойчивых групп, объединенных общими интересами, означает по сути половинчатое признание значения социальных факторов и интересов в политике этого периода, отказ от безконфликтности и ничем не ограниченного индивидуализма при объяснении поведения партий и избирателей. Однако осуществляя важнейший для исторического исследования переход от индивидуального к социальному, Р. Дженсен, Р. Формизано, П. Клеппнер и другие не только отрывали этнические и религиозные связи от классовых отношений, но и допускали их метафизическое противопоставление.

Как известно, процесс классовообразования в США весьма своеобразен. Эту специфику американские ученые склонны абсолютизировать.

lysis of Past Politics.— *Journal of Interdisciplinary History*, 1973, N 2, p. 237—262; Bourke P. F., DeBats D. A. Individuals and Aggregates.— *Social Science History*, 1980, N 2, p. 229—250.

²⁶ Hammond J. L. The Politics of Benevolence: Revival Religion and American Voting Behavior. Norwood (N. J.), 1979, p. 186—207.

²⁷ Hansen S. L. The Making of the Third Party System. Ann Arbor, 1980, p. 202—209; Hammarberg M. The Indiana Voter. Chicago, 1977, p. 115, 142—176; Cherry R. W. Populism, Progressivism and the Transformations of Nebraska Politics, 1885—1915. Lincoln, 1981, p. 32—52, 147—148.

²⁸ Kleppner P. The Third Electoral System, 1853—1892: Parties, Voters and Political Cultures. Chapel Hill, 1979, p. 143—144.

²⁹ Bogue A., Clubb J., Flanigan W. The New Political History.— *American Behavioral Scientist*, 1977, Nov.—Dec., p. 203.

вать. В XIX столетии он был далеко не завершен и происходил параллельно со складыванием нации. В таких условиях этническая и религиозная нетерпимость служила удобным средством оправдания и закрепления доминирующего положения в обществе одних групп и дискриминации других. Гонения на католиков, ущемление прав этнических меньшинств нередко были лишь предлогом для эксплуатации экономической эксплуатации (их нанимали за меньшую плату, использовали на самых тяжелых работах и т. д.)³⁰. Зависимостью между этнической дискриминацией и экономической эксплуатацией наиболее очевидна в судьбе негритянского народа США. В других случаях эта связь лишь не настолько прямолинейна.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов и характерные для «нации иммигрантов» острые социально-психологические конфликты, неизбежно возникавшие при столкновении групп с различными морально-этическими традициями, обычаями, стилями жизни, стереотипами и предрассудками. Тем более что эти конфликты сознательно разжигались лидерами партий в борьбе за укрепление и расширение избирательных коалиций. В результате социально-экономические интересы и противоречия в значительной степени осознавались и интерпретировались избирателем XIX в. в своеобразных этнокультурных терминах и формах.

Стремясь во всей сложности охватить взаимоотношения между социальными группами, приверженцы этнокультурной модели оказались не в состоянии отделить первичное от производного, главное от второстепенного. Причина этого — в позитивистском отказе «априорно» признать наличие социальной «сверхструктуры», определяющей все более мелкие общественные разделения³¹; тем самым отрицается марксистская теория классов и классовой борьбы. В итоге мнимая сложность оборачивается, по выражению В. И. Ленина, «подделкой эклектицизма под диалектику»³².

Бесспорно большое значение, которое имели и отчасти продолжают иметь в политической жизни США этнические и религиозные связи, объясняется их прочной переплетенностью с отношениями экономического господства и социальной дифференциации. Специфика исторического пути США требует особенно тщательного выяснения взаимосвязи между тремя общественными структурами: социально-классовой, этнокультурной и партийно-политической. Этнические и религиозные группы занимали конкретное место в системе общественного разделения труда, преобладали в определенных классах и социальных слоях. Речь, таким образом, должна идти не о противопоставлении, а о сложном переплетении трех структур, относительное совпадение которых (при ведущем значении классового деления) проявлялось в конечном счете как господствующая историческая тенденция.

³⁰ *Luhman R., Gilman S. Race and Ethnic Relations: The Social and Political Experience of Minority Groups. Belmont (Cal.), 1980, p. 49—89, 106—108, 110—120.*

³¹ *Kleppner P. The Third Electoral System, p. 143, 357, 360.*

³² *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 21.*

Рассмотренные примеры показывают, что подход, опирающийся на теорию партийных перегруппировок и этнокультурную модель, приводит сторонников «новой политической истории» к преувеличению момента стабильности и приспособляемости в развитии американской политической системы, к переоценке функциональной эффективности партий, искажению пропорций между социально-экономическими и этнокультурными факторами в политической истории США.

Стремление преодолеть ограниченность статичных схем, выявившуюся с особой очевидностью при изучении периода конца прошлого и начала нынешнего столетий, привело к появлению иного подхода к проблеме изменения партийно-политической структуры американского электората.

Второй (социально-критический) подход делает упор на моменты изменчивости и динамики в развитии этой структуры в XX в., указывает на глубокий, необратимый и нециклический характер происходивших в ней перемен. Движущими силами процесса изменения объявляются противоречия между экономической и политической системами, а также между массовым избирателем и «корпоративно-политической элитой». В работах, написанных с этих позиций, главное внимание уделяется установлению долгосрочных динамических характеристик, описывающих взаимоотношения между политическими партиями и избирателями. Наиболее авторитетный представитель данного подхода — политолог из Массачусетского технологического института У. Д. Бернхэм.

В острополемиической статье «Меняющийся облик американского политического мира» и в вышедшей затем книге У. Д. Бернхэм утверждал, что примерно на рубеже двух столетий начался постепенный процесс дезорганизации американской политической системы, характеризующийся эрозией некогда прочных избирательных коалиций, усилением неустойчивости в ориентациях избирателей, растущей неспособностью партий контролировать политическую жизнь общества³³.

Свои выводы автор подтверждал, в частности, с помощью довольно простой техники анализа данных о голосовании избирателей. У. Д. Бернхэм проследил изменение во времени (с середины XIX в. до 60-х годов XX в.) пяти показателей, описывавших состояние электората в данный исторический момент: первый измерял активность участия избирателей в политике, остальные были мерами интенсивности и устойчивости партийной приверженности в электорате³⁴. По расчетам Бернхэма, показатель активности избирателей

³³ Burnham W. D. Changing Shape of American Political Universe.— In: Quantification in American History / Ed. by R. Swierenga. N. Y., 1970, p. 193—225 (1st print: American Political Science Review, 1965, N 1, p. 7—28); *Idem*. Critical Elections..., p. 71—91, 175—195.

³⁴ Доля граждан, принявших участие в выборах, среди всего населения, имевшего право голоса; доля граждан, голосовавших в данные выборы за кандидатов на ключевые должности (например, губернатора) и игнорировавших менее важные баллотировки; разность между числом граждан, голосовавших в годы президентских выборов, и числом участников промежуточных

рателей, постепенно увеличившийся до 80% к концу XIX в., резко упал около 1900 г., достиг низшей точки (в среднем 51,7%) в 20-е годы и с тех пор очень незначительно поднимался, составив к началу 60-х годов лишь около 60% ³⁵. Остальные показатели, наоборот, были незначительными вплоть до 90-х годов, затем резко поднялись в период между 1896 и 1930 гг., демонстрируя рост доли избирателей, не имеющих прочной партийной приверженности, и с тех пор лишь незначительно снизились (после 1960 г. эти показатели вновь поднимаются).

Таким образом, все пять индикаторов Бернхэма свидетельствовали о существенном нарушении связи между партиями и массовым электоратом, причем особенно резкие сдвиги произошли между 1896 и 1930 гг. Чем же вызваны столь значительные перемены в избирательном корпусе США?

Продолжая до известной степени буржуазно-радикальную критическую традицию Райта Миллса ³⁶, Бернхэм видел главную причину эрозии партийных коалиций во вступлении США в «эру корпоративного капитализма». В основе исторического развития страны, считал Бернхэм, лежит фундаментальное противоречие между быстро и неравномерно развивающейся экономической системой и хронически отстающей от нее политической системой. Когда социальное напряжение, порождаемое этим противоречием, достигало критической точки и выплескивалось на политическую арену, происходили партийные перегруппировки, «с помощью которых отставшая в развитии политическая система могла быть вновь приведена в состояние некоторого баланса с меняющейся социо-экономической системой» ³⁷. Однако принципиальная неспособность партий осуществлять сколько-нибудь длительный и эффективный контроль над экономикой была залогом новых кризисов и перегруппировок. Что же позволяло партиям в прошлом столетии довольно прочно привязывать к себе электорат?

Ответ У. Д. Бернхэм искал в отличительных особенностях американского избирателя второй половины XIX в. Мелкие собственники, жившие в изолированных «общинах-островках», рассматривали выборы как важное событие, связывавшее их с миром большой политики. Избиратели хорошо знали кандидатов, активно откликались на лозунги партийных программ, что позволяло партиям сравнительно легко обеспечивать себе прочные массовые базы. «Корпоративно-индустриальная революция» на рубеже двух веков привела к резкому сокращению «класса мелких собственников» — основной опоры демократии, по У. Д. Бернхэму. В ходе перегруппировки 1890-х годов, ознаменовавшейся решающим столкновением между

выборов в конгресс; показатели тенденции граждан выбирать на разные должности представителей разных партий («делить свой бюллетень»).

³⁵ Впоследствии этот показатель неуклонно снижался и к настоящему времени вновь приблизился к рекордно низкой отметке: в президентских выборах 1980 г. участвовали всего 52,3% избирателей.

³⁶ Mills W. The Power Elite. N. Y., 1956.

³⁷ Burnham W. D. Critical Elections..., p. 181.

коалицией бизнеса и массовым демократическим элементом, победа осталась за ориентированными на бизнес республиканцами.

Захват власти корпоративной элитой, утверждал Бернхэм, нанес непоправимый удар по двухпартийной системе, лишил смысла межпартийное соперничество и привел к массовому отчуждению избирателей, теряющих интерес к политике и доверие к партиям. «Хотя все формы политической демократии были скрупулезно сохранены, в функциональном смысле „система 1896 года“ означала превращение подлинно демократического режима в прочно утвердившуюся олигархию»³⁸. По мере дальнейшей изоляции элиты от народа шел процесс распада избирательных коалиций, лишь на время приостановленный «великой депрессией» и перегруппировкой 1930-х годов. По-видимому, заключал У. Д. Бернхэм, США вступают в «эру без партий», которая не сулит им ничего хорошего. Американский электорат, уже наполовину вышедший из-под двухпартийного контроля, может обратиться к «радикализму левого или правого толка»³⁹.

Концепцию Бернхэма выгодно отличает ряд обстоятельств. Следует подчеркнуть более глубокий подход к вопросу о причинности: источник необратимых перемен в партийно-политической структуре автор видел в фундаментальных социально-экономических противоречиях, эволюцию отношений между партиями и избирателями связывал с развитием монополистического капитализма в США. Характерна смена акцентов в оценке роли и перспектив двухпартийной системы. Бернхэм обоснованно указывал, что способность американских партий адаптироваться к социальным переменам с помощью механизма перегруппировок ограничена, а достигаемая таким образом стабильность политической системы относительна. Вывод автора о том, что инструменты контроля со стороны партий над массовым электоратом теряют эффективность, исторически изживают себя, находит подтверждение в новейшей истории США (например, острый политический кризис конца 60-х — начала 70-х годов не привел к радикальной партийной перегруппировке).

Тезис У. Д. Бернхэма о близком распаде двухпартийной системы излишне категоричен. Вместе с тем вполне справедлива его критика традиционной историографии за чрезмерную сосредоточенность на платформах партий и риторике их лидеров. Даже простейший статистический анализ, как показал автор, способен внести в подобные работы полезные коррективы.

Нельзя не видеть и ограниченности элитистской концепции Бернхэма. Он, несомненно, склонен к идеализации домонополистического капитализма, рисуя нечто весьма похожее на *crackerbarrel society* Р. Миллса (общество свободных белых мелких собственников)⁴⁰. Социально-классовую структуру американского общества в XX в.

³⁸ Burnham W. D. Changing Shape..., p. 218; *Idem*. Critical Elections..., p. 71—90.

³⁹ Burnham W. D. Changing Shape..., p. 193, 226; *Idem*. The End of American Party Politics.— In: Politics-America. The Cutting Edge of Change. N. Y. etc., 1975, p. 125—134.

⁴⁰ Mills W. Op. cit., p. 298—324.

Бернхэм сводил к довольно аморфному делению на элиту и народ, причем в радикализации последнего он усматривал большую опасность. Тем не менее данная Бернхэмом критическая трактовка политических изменений, связанных с развитием монополистического капитализма в США, несомненно выделяется на преобладающем фоне апологетических концепций и выводов.

Элементы описанного подхода присутствуют в исследованиях и ряда других авторов, но обычно не в столь радикальном, как у Бернхэма, варианте⁴¹.

Работы У. Д. Бернхэма диссонировали с выводами весьма влиятельной в последние десятилетия в США «мичиганской школы» политических исследований. Эта школа сложилась в 50-е годы при Мичиганском университете и объединила ученых Исследовательского центра по опросам избирателей, позднее превратившегося в Центр политических исследований. Концепции «мичиганской школы» олицетворяют третий (бихейвниористский) подход к проблеме политического изменения и к вопросу о механизме формирования партийных коалиций.

Каждые два года (начиная с 1948 г.) центр проводит общенациональные опросы американских избирателей. На основе полученных данных А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Миллер и Д. Стоукс разработали в 60-е годы социально-психологическую концепцию партийной идентификации⁴². Эта концепция, соединившая ряд идей З. Фрейда с последними достижениями американского бихейвнизма⁴³, оказала сильное воздействие на политологию и «новую политическую историю» в США. «Мичиганская школа» выделяет черты устойчивости и преемственности в американской политической системе, связанные с социально-психологической (а не рациональной или идеологической) приверженностью избирателей к партиям. «Средний гражданин гораздо меньше вовлечен в политику, чем это представляется. Его озабоченность политическими проблемами ограничена, интерес к вопросам идеологии примитивен», — констатировали мичиганские ученые⁴⁴.

Рядовой избиратель не только не имеет сколько-нибудь последовательной позиции по вопросам национальной политики, но и не осознает сути межпартийных противоречий по этим вопросам. Его выбор — результат длительного психологического самоотождествления с данной партией, а не рациональное политическое реше-

⁴¹ *Shade W. L. Social Change and the Electoral Process. Gainesville, 1973. p. 14, 58, 62; McCormick R. L. From Realignment to Reform: Political Change in New York State, 1893—1910. Ithaca, 1979. p. 40—68, 138—164, 251—272.*

⁴² *The American Voter / Ed. by A. Campbell, Ph. Converse, W. Miller, D. Stokes. N. Y., 1960; Elections and Political Order / Ed. by A. Campbell, Ph. Converse, W. Miller, D. Stokes. N. Y., 1966.*

⁴³ В западной социальной психологии понятие «идентификация», происходящее из фрейдовского психоанализа, обозначает свойственное главным образом детям стремление моделировать себя, имитируя поведение особо почитаемых взрослых. Мичиганцы с некоторыми поправками используют это понятие при описании отношения избирателей к партиям. См.: *The American Voter*, p. 121.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 146—167.

ние⁴⁵. Среди избирателей есть категории активных и стойких приверженцев определенной партии (core voters), а также умеренных, слабых, «независимых» и хронически не голосующих. Сдвиги в партийном распределении голосов происходят за счет последних трех категорий. Реагируя на краткосрочные изменения социально-политической обстановки, избиратели со «слабой» партийной идентификацией, «независимые» и те, кто обычно не голосует, способны своим переходом на сторону одной из партий вызвать перегруппировку. Таким образом, распределение голосов на каждом выборах включает два компонента: «нормальное» голосование, связанное с традиционной партийной идентификацией, и отклонение, вызванное реакцией неустойчивой части избирателей на особенности текущей политической обстановки⁴⁶. Основные положения концепции партийной идентификации, считают ее авторы, применимы к большей части политической истории США.

В обстоятельной статье «Изменения в американском электорате» Ф. Конверс выступил с критикой концепции У. Д. Бернхэма⁴⁷. В 1974 г. вокруг этой концепции развернулась полемика на страницах ведущего американского политологического журнала⁴⁸. Ф. Конверс и Дж. Раск — оппоненты У. Д. Бернхэма — поставили под сомнение характеристику американского избирателя XIX в. как активно вовлеченного в политику, осведомленного о национальных политических проблемах и преданного партии. Более тесная связь между избирателями и партиями, считали мичиганские ученые, скорее объяснялась существовавшими в прошлом веке избирательными процедурами, а сдвиги, отмеченные Бернхэмом, в значительной степени были вызваны реформами этих процедур.

В начале XIX в. американские штаты перешли от патриархальной системы, требовавшей выражения избирателем своей позиции вслух (viva-voce), к бюллетеням. Но тайного голосования не существовало в США на протяжении почти всего XIX столетия. Бюллетени обеих партий печатались ими отдельно и отличались по цвету (party ballot system), что делало голосование видимым. На избирателей оказывалось прямое давление: партийные функционеры в согласии с лидерами общин широко использовали подкуп и угрозы. Нередко при попытках опустить «не тот бюллетень» возникали беспорядки. Картина наиболее «удачных» выборов с проигравшей стороны описывалась современниками как процессия избирателей, маршировавших к участку с поднятыми над головой цветными партийными бюллетенями. Вплоть до конца XIX в. в США не существовало удовлетворительной системы регистрации избирателей, что также порождало многочисленные злоупотребления.

⁴⁵ Ibid., p. 169—187.

⁴⁶ Ф. Конверсом разработана математическая модель, позволяющая разграничить эти два компонента. См.: *Converse Ph. E. The Concept of Normal Vote.* — In: *Elections and Political Order*, p. 9—39.

⁴⁷ *Converse Ph. E. Change in American Electorate.* — In: *The Human Meaning of Social Change*. N. Y., 1972, p. 263—337.

⁴⁸ *American Political Science Review*, 1974, N 3, p. 1002—1057.

Растущее возмущение коррупцией и запугиванием, царящими на выборах, вынудило партийную элиту в конце XIX в. ввести тайное голосование по системе, действовавшей тогда в Австралии, Европе и Канаде (Australian ballot), с бюллетенями единого образца, печатавшимися за государственный счет. К 1892 г. ³/₄ штатов приняли это довольно радикальное для американской действительности тех дней социальное новшество. Между 1890 и 1910 гг. большинство штатов ввело и более строгую систему регистрации избирателей.

Каков был эффект обоих новшеств? Ослабление прямого партийного контроля, считали Ф. Конверс и Дж. Раск, привело к относительному падению активности избирателей, росту числа голосующих смешанным партийным списком и т. д. Этому способствовала и вызванная урбанизацией массовая миграция в города, освобождавшая избирателя от давления общинных норм. Таким образом, считали оппоненты Бернхэма, голосование в начале XX столетия стало «нормальным», близким к действительным предпочтениям избирателей. Установилась современная социально-психологическая структура электората, которую обнаруживают исследования «мичиганской школы». Ослабление связей между партиями и их массовыми базами в XX в. имеет место, но оно не настолько значительно, чтобы угрожать доминирующей роли партий в политическом процессе, заключали Ф. Конверс и Дж. Раск.

Поправки, внесенные мичиганскими учеными в излишне «демократизированную» картину взаимоотношений между партиями и избирателями в XIX в., нарисованную У. Д. Бернхэмом, представляются весьма уместными. Вместе с тем концепция партийной идентификации, вопреки утверждениям ее авторов, не ведет к открытию неких «универсальных законов» политического поведения избирателей.

Если отвлечься от экскурсов в психоанализ, то «мичиганской школе» удалось доподлинно установить лишь одно: значительные группы американских избирателей длительное время расположены голосовать определенным образом, в то время как существенная часть электората такой устойчивости не проявляет. Ни природы стабильности, ни причин неустойчивости и перемен концепция партийной идентификации не объясняет. Дело в том, что мичиганские ученые не смогли подойти с последовательно материалистических позиций к решению фундаментального вопроса о социальной обусловленности психики человека.

Конверс и его коллеги склонны трактовать эту обусловленность скорее как демографическую, уделяя особое внимание возрастным группам (коhortам) среди избирателей. Согласно разработанной Конверсом концепции «жизненного цикла», большинство избирателей в течение жизни последовательно переходят из категорий «независимых» или «слабых» в категории «умеренных» и «твердых» сторонников одной из двух партий⁴⁹. Таким образом,

⁴⁹ Converse Ph. E. The Dynamics of Party Support: Cohort Analysing Party Identification. Beverly Hills (Cal.), 1976, p. 143—159. Примечательно, что другой

характер и интенсивность партийной приверженности избирателя — вопрос больше семейной традиции и времени, чем собственно политический вопрос. Процесс политического изменения вновь представляется в виде закрытого цикла, только на этот раз приближенного к периодам индивидуальной жизни. Такое сведение социального, в частности социально-классового, к демографическому и возрастному трудно воспринимать иначе как неоправданное упрощение.

В идейном плане выводы мичиганцев близки консервативной теории «демократического элитизма»: аполитичные, равнодушные к идеологическим схемам избиратели сосредоточены на проблемах личного преуспеяния и молчаливо передоверили заботу о запутанных национальных проблемах квалифицированной политической элите. Им осталось либо не участвовать в выборах, либо подтверждать свою идентификацию, реагируя на привычную партийную символику и не углубляясь в доктринальные споры. Данной интерпретации свойственны по меньшей мере два принципиальных порока: односторонность и неисторичность.

Не обнаруживая в массовом политическом сознании интереса к политике и понимания партийных различий, мичиганцы фиксируют лишь одну, субъективную сторону проблемы, игнорируя другую, объективную. Объективные политические интересы и интересы, существующие в данный момент в политическом сознании, при всей их близости, — явления разные. Первые прямо связаны с базисом общества, имеют явный классовый характер, вторые могут быть их поверхностным, искаженным отражением, а то и попросту иллюзией вроде известной «американской мечты». Буржуазные партии США не только не позволяют американским трудящимся реализовать их истинные интересы, но и не без успеха препятствуют адекватному осознанию этих интересов.

Господствующему классу США до сих пор удавалось удерживать электорат в рамках двухпартийной альтернативы, навязывая избирателям индивидуалистические, либерально-реформистские и прочие стереотипы. Социально-психологическая структура американского электората, определяемая по итогам опросов, в полной мере отражает эти стереотипы, но это обстоятельство не может заслонить объективный классовый антагонизм, не дает оснований для абсолютизации партийных отношений и конформизма избирателей. Не случайно в самих США множатся попытки пересмотреть данную мичиганцами характеристику американского избирателя. При этом особенно острая полемика ведется по поводу перемен, происшедших в массовых базах партий в 60—70-е годы⁵⁰.

мичиганец, У. Миллер, приводил данные о поведении избирателей в 60—70-е годы, противоречащие концепции «жизненного цикла». См.: *Miller W. E., Levitin T. Leadership and Change. Cambridge (Mass.), 1976, p. 108—110, 120—126.*

⁵⁰ В 1976 г. различные точки зрения по этому вопросу были представлены в сб.: *Controversies in American Voting Behavior / Ed. by R. G. Niemi, H. F. Weisberg. San Francisco, 1976.* В 1980 г. мичиганские ученые опубликовали в подтверждение своей прежней концепции данные нового исследования, охватившего 1972, 1974 и 1976 гг. См.: *Converse Ph. E., Marcus G. B. Recent*

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что «новая политическая история» не выработала обоснованной концепции, объясняющей исторические изменения в структуре партийно-политических ориентаций избирателей, в отношениях между партиями и их массовой социальной основой. Авторам рассмотренных работ удалось с помощью методов, развитых в социологии и политологии, получить более детальное статистическое описание тенденций в распределении голосов избирателей, продвинуться в решении некоторых структурно-классификационных задач. Они выделили и описали такие реальные и важные феномены, как партийные перегруппировки и партийные системы, обратили внимание на значительную роль этнокультурных групп в политической жизни США, выявили долгосрочные тенденции к ослаблению избирательных коалиций в XX столетии, дали подробную социально-психологическую характеристику современного электората.

Однако точные расчеты, детальные описания и достоверные суждения относительно отдельных аспектов политического процесса в США сочетались в рассмотренных работах с искаженными оценками, односторонними заключениями и ошибочными выводами. Укрепления аналитической стороны исследований за счет развития методики оказалось недостаточно для решительного преодоления разрыва между фактографией и обобщением, анализом эмпирических данных и синтезом исторического знания. Причина этого в теоретической и методологической слабости и ограниченности, которые новое направление наследует от традиционной историографии.

В 70-е — начале 80-х годов в развитии «новой политической истории» еще полнее проявился характерный для нее эклектический компромисс. Половинчатое признание социального детерминизма (наиболее последовательное у У. Д. Бернхэма) при отрицании ведущей роли классового деления общества приводит в объяснении политики либо к этнокультурному (Р. Дженсен, П. Клепнер и др.), либо к демографическому детерминизму («мичагинская школа»). Даже признавая наличие в американском обществе «экономических классов», под которыми понимаются произвольно выбранные профессиональные группы, сторонники «новой политической истории» стремятся представить классовый конфликт как второстепенный, не имеющий существенного значения для политического процесса в США. В частности, это проявляется в выдвигании концепций элитизма в буржуазно-радикальном (У. Д. Бернхэм) или консервативном (Ф. Конверс) варианте.

Развитие методики историко-политических исследований даст ожидаемый научный эффект лишь в случае, если анализ будет охватывать всю цепочку социальной детерминации, а не ее отдельные фрагменты и если полученные результаты будут верно соотношены с общими закономерностями исторического развития, с логикой классовой борьбы.

Evidence on the Stability of Party Identification: The New Michigan Election Study Panel.— In: *Realignment in American Politics*, p. 132—156. Ход этой дискуссии здесь не рассматривается, так как заслуживает специального анализа.